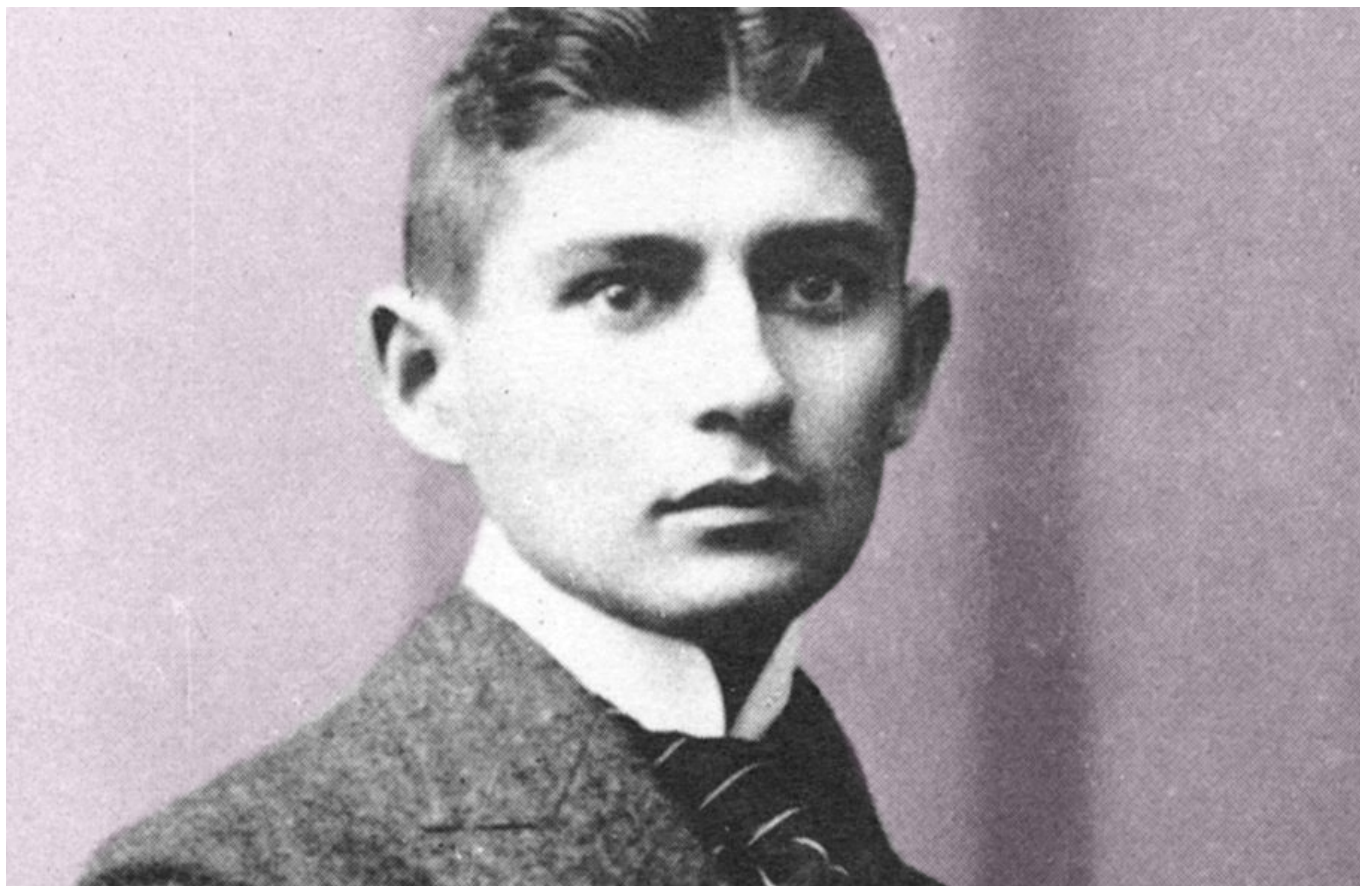

О пользе чтения чужих писем | Sur le bien-être de la lecture des lettres d'autrui

Auteur: Надежда Сикорская, [Женева](#), 27.05.2016.

Франц Кафка (1883 - 1924)

Только два года назад благодаря любознательности московского издательства текст и финансовой поддержке Швейцарского фонда культуры «Про Гельвеция» впервые вышла на русском языке книга размышление о Кафке лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти, опубликованная еще в 1969 году.

Il y a seulement deux ans, grâce à la maison d'édition moscovite « Texte » et le soutien financier de lu Fonds « Pro Helvetia », le public russophone a pu découvrir une méditation sur Kafka d'Elias Canetti, prix Nobel de la littérature 1981, écrit en 1969.

Sur le bien-être de la lecture des lettres d'autrui

Сразу признаемся: о существовании писателя Элиаса Канетти мы узнали, лишь увидев книгу «Другой процесс. Франц Кафка в письмах к Фелиции» на швейцарском стенде на ярмарке интеллектуальной литературы Non/FictionN17 в Москве, в 2015 году. С изумлением открыли, что он не только существовал, но и был удостоен, в 1981 году, Нобелевскрй премии по литературе «за сочинения, отмеченные широким кругозором, богатством идей и художественной силой». Широкому кругозору было, откуда взяться, ведь жизнь Элиаса Канетти никак не назовешь ординарной.

Считающийся швейцарским, этот немецкоязычный писатель со звучащей на итальянской лад фамилией родился в 1905 году в – в жизни не угадаете! – болгарской Рузе и всю жизнь сохранял болгарское гражданство. Происходил из еврейской (сефардской) семьи, где говорили на ладино, что может показаться странным, ведь в Восточной Европе был распространен идиш. Объяснение – в маме Матильде, принадлежавшей древнему роду испанских евреев, а в Испании ладино был как раз в ходу. Отец будущего писателя, как и его дед, занимался коммерческим строительством, что было связано с частыми переездами семьи – детство и юность мальчика прошли в Болгарии, Великобритании, Швейцарии, Австрии и Германии. В 1912 году отец Элиаса внезапно умер, и его мама переехала с детьми сначала в Лозанну, а затем в Вену. Мама настаивала, чтобы он говорил на немецком, но он предпочитал ладино, французский и английский. Позднее они переехали в Цюрих, где жили с 1916 по 1921 годы, а затем, до 1924 года, во Франкфурт, где Канетти закончил школу. Во время учебы на химическом факультете Венского университета он заинтересовался философией и литературой, поступил в литературный кружок Вены, начал писать сам. Приверженец левых взглядов, он участвовал в июльском восстании 1927 года — проходил возле демонстрации, во время которой сжигали книги, что произвело на него сильнейшее впечатление.

В 1934 году он женился на Вэзе Тобнер-Кальдерон, ставшей его музой и литературным помощником. Годом позже было опубликовано самое известное произведение писателя — роман «Ослепление», в котором, продолжая традиции Ф. Кафки, он представил реальность Европы после Первой мировой войны как абсурд и торжество безумия. (Это книга в 2000 году была издана на русском языке в переводе Соломона Апта.)

В 1938 году в связи с аншлюсом Австрии супруги уехали в Париж, затем в Лондон. В Британии, гражданство которой он получил в 1952 году, Канетти 20 лет занимался работой над «Массой и властью», одним из главных трудов своей жизни. После смерти Везы в 1963 году (кстати, ей посвящена попавшая в поле нашего зрения книга), Канетти женился вторично - на Гере Бушор, с которой у него была дочь Йохана. Последние 20 лет жизни он провел в Цюрихе, где занимался написанием автобиографии, первый том которой посвящён его детству и юности и вышел под названием «Спасенный язык». В Цюрихе умерли как его жена (в 1988 году), так и он сам (в 1994 году).

Возможно, одна из причин малой известности Канетти – его упорное молчание в течение последних двадцати лет жизни: ни одного публичного выступления, ни

одного интервью, даже после получения Нобелевки!

Элиас Канетти (1905 - 1995)

Теперь, зная все эти подробности биографии Канетти, не трудно отметить, что с другим, гораздо более известным писателем, Францем Кафкой, ставший героем его книги, его объединяют еврейское происхождение, немецкий язык, потрясение от Первой мировой войны и страстное увлечением абсурдом в нашей жизни. Правда, прожил Канетти не 40 лет, как Кафка, а целых 89, и познал реализованную любовь (и не одну), радость отцовства, прижизненный литературный успех. На долю Кафки ничего этого, увы, не выпало. Из коллег по цеху Кафка считал своими братьями по крови Гюстава Флобера, Франца Грильпарцера, Фёдора Достоевского, Генриха фон

Клейста и Николая Гоголя, то есть русская сумасшедшинка была ему не чужда. Будучи евреем, Кафка практически не владел идишем и стал проявлять интерес к традиционной культуре восточноевропейских евреев только в двадцатилетнем возрасте под влиянием гастролировавших в Праге еврейских театральных трупп; интерес к изучению иврита возник только к концу жизни.

Закончив Пражский Карлов университет и получив степень доктора права, Кафка поступил на службу чиновником в страховом ведомстве, где и проработал на скромных должностях до преждевременного — по болезни — выхода на пенсию в 1922 году. Работа для писателя была занятием второстепенным и обременительным: в дневниках и письмах он признаётся в ненависти к своему начальнику, сослуживцам и клиентам. На первом же плане всегда была литература, по его словам, «оправдывающая всё его существование».

Кафка был личностью, мягко говоря, сложной. Аскетизм, неуверенность в себе, самоосуждение, плюс целый букет хронических болезней (от мигреней до предполагаемой импотенции), с которыми он пытался бороться натуропатическими способами — все эти особенности без стеснения отражены в дневниках и письмах писателя, ставшего предметом изучения Элиаса Канетти.

Не Канетти изобрел жанр «писатель пишет о писателе»: Томас Манн писал о Гете, Михаил Булгаков — о Мольере. И даже отношения Кафки с женщинами уже становились предметом изучения (и художественного домысла) нескольких авторов. Отличие книги Канетти в том, что она основана на «свидетельских показаниях» самого героя — на письмах Кафки к Фелиции Бауэр, берлинской девушке, с которой Кафка познакомился у своего ближайшего друга Макса Брода, за которой ухаживал между 1912 и 1917 годами, с которой дважды был помолвлен и дважды расторг помолвку. Общаясь с ней главным образом через письма, Кафка создал её образ, который совсем не соответствовал действительности, при этом есть основания полагать, что цену своей периодической возлюбленной он знал, ведь не зря он называл её своей «ненаглядной делячкой».

Письма, которых накопилось на солидный, в 750 страниц, том, были проданы адресатом (адресаткой?), что, конечно, лишает их романтического ореола, но зато позволяет нам лучше понять особенности (и откровенные странности) натуры австрийского гения, проникнуть в его интимный мир. В глазах Элиаса Канетти, именно процесс отношений Кафки с Фелицией в какой-то степени проложил дорогу знаменитому литературному «Процессу», благодаря которому имя его автора стало чуть ли не именем нарицательным и уж точно — синонимом абсурда. («Говоришь «Кафка» — подразумеваешь...» и т.д.)

То, что чужие письма читать нехорошо, нам всем объясняли в детстве. Что мешало обязательному штудированию в старших классах школы и во всех без исключения советских вузах обильной переписки основоположников (Маркс-Энгельс-Ленин) и многих других выдающихся деятелей науки и культуры. Чужие читать нехорошо, а продавать свои? Вернее, чужие, но себе адресованные: сохранившаяся переписка однобока, в ней только письма Кафки, и ни одного — Фелиции. Сам Канетти Фелицию (в 1931-36 годах жившую, кстати, в Швейцарии) не осуждает, а, наоборот, благодарит её за то, что «она сохранила и спасла для нас эти адресованные ей письма, хоть и переступила через самое себя, решившись их продать». Насколько трудным было это решение, и было ли трудным вообще, мы,

впрочем, не знаем, но можем предположить, что у дважды брошенной женщины, которой жених еще и изменил, как умел, с ее лучшей подругой, имелся на Кафку приличный зуб.

Если вы, читатели, имеете возвышенное представление о Кафке, то лучше вам эти письма не читать, ведь тщательно выписанный им самим портрет не очень, скажем так, аппетитен. Согласитесь, какой нормальный мужчина, рассчитывающий на взаимность, будет с первого же письма и практически во всех последующих (а строчит он поначалу по письму в день, а то и по два-три, и требует незамедлительных ответов) только и делать, что жаловаться: на собственную хандру, на бессонницу, на проблемы на работе. Дальше – больше: начинаются

жалобы на физическую слабость и как проявление ее – невероятную худобу («Я самый тощий человек из всех, кого я знаю»), на неуверенность в себе («с таким хилым телом ничего не добьешься»), на боязнь ядов и официальной медицины. На Фнлицию обрушиваются миф о неприязни к детям, описание брака как эшафота, признание в отсутствии планов на будущее и, как кульминация, – вполне определенный намек на мужскую несостоятельность. То есть делается буквально все, чтобы отпугнуть Фелицию самим собой. Ну какая девушка перед подобным устоит?

Эти письма – высшая мера интимности, беспощадного саморазоблачения. Но они – не для примитивных людей, а Фелиция, как справедливо отмечает Канетти, была натурой простой, из мелкобуржуазной еврейско-немецкой семьи, ее отец, как и Кафка, был служащим страхового агентства. Ей просто хотелось замуж.

При этом письма Фелиции, с детальным описанием – по требованию Кафки – распорядка ее вполне тривиальных дней, дают Кафке силу писать: «две ночи спустя после своего первого письма к ней он выплескивает на бумагу «Приговор», за один присест, в одну ночь, за десять часов», отмечает Канетти. И это только один из примеров. Более того, он видит в ней мощную защиту от всех реальных и мнимых опасностей. «Какое дивное чувство быть укрытым тобою, спрятанным от этого чудовищного мира, с которым я лишь ночами, когда и если пишу, могу тягаться». Почему? В чем заключалась животворящая сила непритязательных посланий Фелиции, что вычитывал в них – в строках или между строк – писатель, остается для нас загадкой. Может быть, при совместном прочтении нам удастся ее разгадать?

А пока мы бы хотели особо отметить блестящую работу переводчика Михаила Львовича Рудницкого, знатока немецкоязычной литературы. Его многочисленные комментарии и пояснения не только облегчают знакомство с текстом и делают его более приятным, но значительно расширяют наши знания о круге людей, составлявших реальный мир Кафки.

[современная швейцарская литература](#)

Source URL: <https://nashgazeta.ch/news/culture/o-polze-chteniya-chuzhih-pisem>